

Нина ТЕРЕНТЬЕВА:

«ЖИТЬ МОГУ ТОЛЬКО В РОССИИ»

Нина Терентьева — русская певица. Но истинным расцветом своего таланта и славой она обязана другим странам и другим самым престижным театрам мира — «Ла Скала», Венская Опера, «Гранд-Опера», «Метрополитен-Опера»...

— Надолго ли вернулись домой? — Я приехала в Москву в декабре из Мюнхена и пробуду до апреля, когда поеду в Барселону петь в «Трубадуре» Верди, а в июне мне предстоит участвовать в постановке «Самсона и Далилы» Сен-Санса в театре «Колон». Четыре месяца смогу пожить дома, так как, к счастью, отменились мои гастроли во Флоренции.

— Почему, «к счастью»? — Потому что дома меня ждет десятилетняя дочка, которая растет практически без матери, отчего очень страдает. Конечно, я звоню ей каждый день из любой точки земного шара, где бы ни находилась, но это же не заменяет повседневного общения. Потом я уже слишком давно не выступала на сцене Большого театра. Это мой родной дом, и петь в нем мне любимо и легко.

— Вы нужны сегодняшнему Большому театру?

— Не знаю. Никто в театре и не заметил моего возвращения. Я сама позвонила и попросила дать мне спектакли. Сейчас я имею много хорошей работы и от руководства не завишу. Но все же самое главное не в этом, а в том, что я нужна зрителям. И пока своим искусством смогу дарить им наслаждение, с огромной радостью всякий раз буду выходить на сцену.

— На Западе вас знают гораздо лучше, чем дома. Вам не обидно?

— С одной стороны, обидно. С другой — понимаю всю сложность нашей жизни, думаю, что незачем обижаться. Но все же людям надо работать над своей душой. Нельзя думать только о колбасе — это гильбельный путь для человека.

— А вы доступны для своих поклонников?

— Я считаю, что да. Вообще на Западе публика более интеллигентна и намного компетентнее нашей. Что же касается моих поклонников, то они звонят мне, пишут письма, а я им высылаю свои фотографии с автографом. Стараюсь, чтобы ни одно письмо не осталось без ответа. Есть группа из одиннадцати человек, которая путешествует за мной по всей Латинской Америке и США, а один итальянец из Буэнос-Айреса ездит за мной по всему миру, кроме России, конечно. Однако, честно говоря, я не очень-то люблю выходить на поклон и раздавать автографы, но, понимая, что это тоже является частью моей работы, покоряюсь.

— Вы довольны тем, как складывается ваша карьера за рубежом?

— Признаться, я по натуре малотщеславный человек, поэтому и карьера как самоцель меня волнует постольку, поскольку я хочу делать свое дело лучше, но, по крайней мере, не хуже своих партнеров по спектаклю. Пение — самое главное в моей жизни. И, конечно же, мне хочется, чтобы меня приглашали выступать как мож-

но дольше, ведь на мировую сцену я вышла довольно поздно. Поэтому и стараюсь внимательнее к себе относиться — не соглашаюсь петь в операх, не подходящих для моего голоса (Россини, Доницетти, Беллини — колоратурные партии). В жизни получается так, что с годами приходит мудрость, а силы тебя покидают. Теперь, например, я никогда не пою в голос на репетициях (кроме оркестровой и генеральной). Да на Западе этого и не требуется. А раньше, по молодости, это делала. Сегодня я уже прекрасно знаю все свои возможности, преимущества и недостатки.

— Вы не пробовали давать мастер-класс?

— Я давала мастер-класс всего дважды. Но чему можно научить за один раз, да еще при большом скоплении публики? У меня вообще не лежит сердце к преподавательской деятельности. Мне всегда бы хотелось, чтобы мои подопечные сразу пели хорошо, а такого в жизни не бывает. Потом я считаю, что нельзя быть выступающей певицей и учить одновременно. Если уж этим делом заниматься, то нужно отдаваться ему без остатка, потому что ученики веряют тебе свою судьбу.

— А какие партии вы считаете своими?

— Это прежде всего вердиевские героини — Амнерис, Ульрика, Азучена, Эболи, Сантуцца в «Сельской чести» Масканы. Также французские — Кармен и Далила. И, конечно же, русские — Марфа, Любаша, Марина Мнишек, Графиня.

— Наши слушатели помнят и ваши прекрасные концерты...

— Сегодня, к сожалению, я не готовлю ни одной камерной программы. Нет времени, да и незачем, потому что, если я хочу сыграть концерт даже в Большом зале консерватории, к примеру, мне надо самой его организовать. Можно было бы поездить с выступлениями по стране, но наши дорожные превратности слишком тяжелы.

— Сейчас многие солисты пользуются услугами различных частных импресарских фирм, которые решают подобные проблемы...

— Я пока работаю с ГОСКО (бывший Госконцерт). Он старается для меня, хотя и частенько треплет нервы. Можно, конечно, подобрать себе что-нибудь из частных фирм. Но в ГОСКО все мои контракты до 1995 года.

— Кто ваш импресарио?

— У меня их два: американский — Тони Руссо и европейский — Руди Рааб, который, услышав моих Марфу и Эболи, сразу же предложил мне три больших контракта, положивших начало моим гастролям по миру.

— Когда импресарио предлагают вам очередные контракты, о чем вы их спрашиваете в первую очередь?

— Только о дате выступления. Обычно я забываю спросить и о певцах, и о дирижере, а режиссерами совсем не интересуюсь, наверное, потому, что я их не люблю. Да простят они меня за такие слова.

— А вам легко удается находить общий язык с коллегами?

— У меня не бывает подобных проблем. Все певцы, за редким исключением, — очень доброжелательные люди. Но, несмотря на это, я люблю, когда вместе со мной в спектакле участвуют русские вокалисты, о чем обычно предупреждает импресарио, чтобы обрадовать. Значит, тебе не будет слишком одиноко.

— Вам знакомо чувство ностальгии?

— Да. Оно мучает меня, стóит месяца два не побывать дома. Америка для меня слишком чужая страна. Мне нравится бывать в Германии и в Испании, но жить там я бы все равно не смогла. Может быть, потому, что выросла в простой семье из маленького провинциального города. И считаю, пусть не обижаются другие народы, что русская земля самая «намоленная», земля огромного количества великомучеников — ни одна страна в мире, кроме Руси, не называется Святой, и, если ты рожден в ней, она не «отпускает» от себя. Я жить могу только в России.

— В чем вы находите опору в трудный момент жизни?

— Хотя говорят, что я сильная натура, меня очень легко обидеть. И самая большая обида моей жизни — это когда мне не давали возможности петь, будь то в Мариинском или Большом театре. Я скрытный человек и никогда не показываю своих переживаний. Быть может, оттого, что не люблю, чтобы меня жалели окружающие.

— А сами себя часто жалуете?

— Успокоение приходит со временем. А если бы я себя жалела — вряд ли бы чего достигла в жизни. Мне всегда было трудно, и всего я добивалась только собственным трудом — мне никогда ни в чем не помогали.

— Какая ваша самая заветная мечта?

— Получить, наконец, нормальную квартиру и жить про-человечески. Когда мои импресарио удивляются тому, что я до сих пор в совершенстве не знаю ни одного иностранного языка, как мне им объяснить, что моим «кабинетом» является ванная комната, в которой выучены все мои партии и концертные программы?

— О чем вы просите Господа в своих молитвах?

— Найти в себе силы понять ближнего, разума и умения прощать. Держать в сердце зло — большой грех.

— А сами всегда себя понимаете?

— Далеко не всегда. Мне порой кажется, что это вовсе не я живу, а совсем другая женщина. Я же только наблюдаю за ее судьбой со стороны.

Мария БАБАЛОВА.

НА СНИМКАХ: Нина Терентьева и Пласидо Доминго после спектакля «Дон Карлос» Дж. Верди в Лос-Анджелесе; перед выходом на сцену в роли Марфы («Хованщина» М. Мусоргского).

Фото Ларисы ПЕДЕНЧУК и из архива певицы.

